

УДК 94 (47).084.8

**ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ САБОТАЖА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

© 2018 г.

М.А. Демидов

Общество изучения истории отечественных спецслужб, Москва

demidov71@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.07.2018

Исследуется взаимосвязь внешних и внутренних факторов подрыва безопасности государства в чрезвычайных условиях. В частности, автор обращает внимание на взаимосвязь саботажа и вмешательства во внутренние дела государств посредством т.н. «цветных революций». При этом особо подчеркивается, что государства в условиях глубокого кризиса усиливают защиту своих систем управления, в том числе от актов саботажа. Автор обосновывает свое предложение о необходимости криминализации данного явления с учетом современных вызовов и угроз, в связи с этим делает вывод об актуальности исторического опыта борьбы с саботажем в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: саботаж, государственная система управления, государственный переворот, Великая Отечественная война, НАТО, исторический опыт, ненасильственные действия, «цветные революции».

Международная политическая и экономическая системы на протяжении последних десятилетий кардинально реформируются, что сопровождается ростом напряженности и ужесточением конкуренции в межгосударственных отношениях. Данные обстоятельства ведут к снижению уровня жизни населения многих стран, становятся причиной негативных социальных тенденций, усиливают угрозу безопасности государств, в т.ч. России. В связи с этим проблемы структурной управляемости и обеспечения безопасности Российской Федерации приобретают особую актуальность в ситуации комплексного нерыночного давления на российскую экономику со стороны недобросовестных зарубежных конкурентов, агрессивной информационной войны и откровенно враждебных, согласованных действий государств НАТО в отношении России, в т.ч. на её внутривнутриполитическом поле. При этом методы давления на Россию в совокупности по своей силе и ущербу в настоящее время объективно превзошли приёмы времен «холодной войны» против СССР¹, которую уже официально можно считать «Первой холодной» после заявления генерального секретаря ООН А. Гутерреша в интервью шведскому телеканалу SVT Nyheter от 22.04.2018 г. о фактическом возврате этой формы противостояния и воздействия на Россию. В таких условиях озабоченность срывом выполнения важных государственных решений не может не отражаться в политической жизни страны. Так, неоднократно была обозначена в СМИ, в т.ч. и лично Президентом Российской Федерации, проблема длительного невыполнения в полном

объеме или со значительным нарушением сроков реализации ряда социально значимых указов главы государства, например т.н. «майских указов»². К категории таких же реакций относятся заявления о ненадлежащем исполнении без объективных причин как региональных, так и общефедеральных нормативных актов. Таковыми примерами полны материалы «Прямых линий» с Президентом. При этом оправдания некоторых должностных лиц выглядят примитивными отговорками, не соответствующими уровню компетенции как самих оправдывающихся, так и степени подготовленности воспринимавшей аудитории. В зоне постоянного общественного внимания и критики находится деятельность по системному лоббированию двусмысленных, противоречащих Конституции РФ и ряду федеральных законов (а зачастую и здравому смыслу) проектов внедрения и развития т.н. «ювенальной юстиции». Такая деятельность предсказуемо провоцирует негативный общественный резонанс и формирует протестную активность значительных групп населения, способствует её усилению. Неоднозначные оценки получают факты выборочного исполнения лишь отдельных положений федеральных законов, выраженных в т.ч. в категоричном и при этом убыточном отказе от работы на территории России ряда российских же системообразующих структур, имеющих статус, далеко выходящий за рамки обычной коммерции. Например, отказы от деятельности в Крыму на основании официально озвученных, вполне политических соображений руководства таких компаний, обусловленных внешнеполитическими

санкциями в отношении России. Периодически появляются публичные обвинения в адрес региональных властей в «саботаже», наносящем значительный ущерб государству на конкретных участках и направлениях работы³.

Озвучивание термина «саботаж» в подобном контексте может быть оправдано пониманием сущности данного явления. Саботаж уникален в своей эффективности как средство торможения и даже остановки социально-экономического развития, но не прямого, агрессивного уничтожения его механизма. Это скрытое «оружие» неявного противника, находящегося внутри каких-либо структур и процессов, тем или иным образом включенного в них, имеющего там определенный функционал и целенаправленно своим действием/бездействием наносящего им вред. Для исполнителя преимущество такого метода причинения ущерба видится в том, что он позволяет обеспечить уход от ответственности, сохранив свой системный статус или гарантировав его безболезненную трансформацию, в крайнем случае – максимально затруднить квалификацию своего поведения как преступного. Преодоление такой ролевой маскировки и неочевидности признаков саботажа предполагает наличие у правоохранительных органов высокого уровня правовой подготовки и навыков выявления и фиксации доказательств, характеризующих именно субъективную сторону состава преступления, так как установление истинного отношения субъекта к своим действиям является наиболее труднодоказуемым элементом правоприменения. Однако юридическая наказуемость саботажа в современном законодательстве России отсутствует. То есть в чистом виде такая форма противодействия государственным интересам не подлежит бесспорной квалификации по УК РФ. Аргументация неактуальности и ненужности отдельной статьи в УК «саботаж», заявленная в ходе обсуждений в СМИ, выглядела иногда слишком уж узкой и упрощенной. Основной её мотив ёмко и характерно можно выразить наиболее растиражированным примером: *«умысел – понятие субъективное, его проблематично доказать»; «статей УК вполне достаточно для наказания недобросовестных сотрудников. Если умышленно причинил вред – диверсия, если неумышленно – халатность»* [2]. Думается, что из первой посылки, придающей регулирующее значение степени сложности доказывания субъективной стороны, логично следует переход дискуссии в сферы, не связанные с правом, т.к. решающее значение получает не общественная опасность деяния, а потенциальные проблемы криминалистической тактики и целеустремленности кон-

кретных сотрудников правоохранительных органов.

Вторая часть приведенного примера не учитывает ряд специфических свойств обозначенных статей УК, отличающих их от саботажа. А именно: состав ст. 281 УК РФ «Диверсия» ограничен: целями – только подрыв экономики и обороноспособности (политическая, социальная, научная и т.д. сферы выпадают); формами – совершение взрыва, поджога, иных действий (подразумеваются только активные действия) и их направленностью именно на разрушение, повреждение, а не торможение или парализацию работы без существенного нарушения целостности; состав материальный. С «халатностью» саботаж разграничивает не только наличие ущерба определенного размера («халатность» – материальный состав), форма вины («халатность» возможна только по неосторожности), но и статус субъекта («халатность» – только должностное лицо). Аналогично дело обстоит и с иными преступлениями, предполагающими определенный статус субъекта, необходимый размер ущерба, а также корыстную или иную личную заинтересованность (персонифицированная выгода) [3, пункт 16]. Также стоило бы отметить, что, в отличие, например, от ст. 275 УК РФ «Государственная измена» или ст. 276 УК РФ «Шпионаж», саботаж может совершаться совершенно автономно, а это не требует обязательного доказывания наличия привязки действий преступника к внешним интересантам.

Еще одна опасность саботажа видится в сложности своевременной «постановки диагноза» – правовой оценки самого факта, а значит, и нейтрализации источника угроз, т.к. симптомы умышленного деяния скрываются за внешне добросовестной деятельностью *«псевдoleгальных уловок и задержек»*. Это один из терминов, предложенных американским идеологом «цветных революций» и специалистом по технологии «ненасильственных» государственных переворотов Джином Шарпом в своем трехтомнике «Политика ненасильственных действий» [4], изданном еще в период Первой холодной войны. В нём и в основанных на данном труде последующих книгах он детально рассматривает условия эффективного применения «198 методов ненасильственных действий» [5], во многом основанных на акциях саботажного характера. Важно отметить, что адресатами рекомендаций Шарпа являются не только и не столько граждане, задействованные в сфере государственного управления, а вообще лица, составляющие какую-либо структурированную общность (как международную, так и внутри страны). Основным принципом реализации тео-

ретически обоснованной Шарпом тактики антигосударственных действий, уже неоднократно доказавшей свою эффективность, является именно совокупность якобы «ненасильственных» мер, осуществляемых приемами социального, экономического и политического саботажа (в оригинале: «Sabotage and nonviolent action»). Подразумевается не только невыполнение своих функций, – это относится и к должностным преступлениям, – но и имитация определенного поведения, формально не подпадающего под признаки противоправности. Например, буквальное исполнение всех предписаний по принципу т.н. «итальянской забастовки» в ситуации, требующей немедленного реагирования. В её итоге жизненно важные цели приносятся в жертву устаревшему техническому регламенту и становятся недостижимыми. Схожий эффект противодействия и ослабления государственной власти, согласно выводам Шарпа, дают следующие акции оппозиционно настроенного правительственного персонала: «Задержки и препятствия работе учреждений»; «Намеренная неэффективность работы и избирательный отказ от сотрудничества исполнительных органов»; «Псевдолегальные уловки и задержки»; «Отказ от сотрудничества мелкими правительственными органами», «Выборочный отказ в помощи представителям правительства», «Блокирование передачи команд и информации» [4] и т.п.

Со времени опубликования Шарпом своей работы в 1973 г. саботаж был неоднократно опробован и проверен как средство создания условий для успешного проведения разного рода т.н. «майданов», «цветных революций». Механизм «цветных атак» в значительной степени выстраивается на парализации заранее определенных государственных структур конкретными исполнителями (лицами, группами) в заданный момент времени, на нужной организаторам переворота стадии развития предварительно «разогретого» внутривнутриполитического противостояния. Как показывают документальные материалы и последующие публичные признания официальных лиц, управление протестными энергиями организуется и планируется при поддержке и непосредственном участии внешних сил, преследующих свои политические интересы, по сути враждебные атакуемому государству. Поэтому при ненадежности канала иностранного влияния на ключевых представителей государственных структур и на значимые политические группы внутри страны вся многоходовая «ненасильственная» схема вмешательства в суверенные дела государства не срабатывает. Или срабатывает не до конца, не достигая

задуманной цели, но создавая предпосылки для организации возможного вооруженного противостояния между «силовиками» и «повстанцами». Такой «форс-мажор» с потерей внешнего контроля имеет место в случае решительных и своевременных действий со стороны государства (Китай – 1989 г., Египет 2011 г., Сирия – 2011 г.), а также при наличии нежданного, адекватного и достаточно массового гражданского противодействия попыткам дестабилизации обстановки (Россия – зима 2011/12 гг.). В последнем случае отказ от дальнейшей реализации плана «цветной атаки» и от перевода его в насильственный вариант индикативен, т.к. обнаруживает подлинную цель деструктивных акций и скоординированные действия между «улицей» и заказчиками акций «уличной демократии» – реальными политическими игроками. Их вычленяет и объединяет явная неприемлемость вполне определенной, но не просчитываемой заранее вариации – в случае появления третьей силы в виде альтернативной протестной улицы, инициатор антигосударственных процессов рискует получить внезапный переход полномочий, выбитых из рук «диктатуры» (как пишет Шарп) [6], к новому субъекту процесса. Новому, а значит, во многом не изученному и неконтролируемому в отличие от заранее сконструированного и подготовленного ядра «майданного актива», ведомого и существенно зависимого от внешних сил (по крайней мере, информационно-медийно).

Симптоматично, что именно при таких характеристиках конфликта методы Шарпа дают наиболее явный сбой, т.к. вместо противостояния с «тираном» или «тоталитарным государством», которые уязвимы от «ненасильственного оружия», появляется разделение населения на непримиримые между собой гражданские сообщества, каждое из которых правомочно и безусловно с точки зрения демократии западного образца. Думается, что при таких условиях потеря эффективности методов Шарпа происходит из-за схожести природы и равнозначности политического оппонента, которого становится затруднительно «саботировать» и тому подобным способом «ненасильственно побеждать», т.к. у него отсутствуют взаимоувязанные, обременительные политические и иные обязательства, а также соответствующая зависимость от необходимости их исполнения. Важную роль играет то, что сам «оппонент» является значительной частью народа, а следовательно, не имеет нужды в дополнительном подтверждении легитимности своей власти и получения опоры в «источнике суверенитета» и соответствующих процедурах.

Изучение реакции зарубежных СМИ, иностранных политических деятелей, лидеров и

СМИ «внесистемной оппозиции» во время известных митингов на площадях «Болотная» и «Сахарова», а также после ответной реакции митингов, прошедших сначала на Воробьевых горах, а затем и на Поклонной горе, позволяет хронологично и наглядно проследить изменение вектора информационного сопровождения деструктивных акций и сворачивание управляемой радикализации их участников (на Украине в 2014 г. это не было остановлено и развернулось до полной смены уличных персонажей: «рассерженных горожан» заменили на «оголтелых нацистов»). Можно предположить, что, когда итоговый результат противостояния становится непредсказуем для потенциального бенефициара (не гарантирован даже хаос в атакуемой стране), это означает полную неприемлемость дальнейшего развития первоначальной программы и необходимость её полной остановки. Либо требует кардинальной смены характера и интенсивности внешнего давления, вплоть до эскалации крупномасштабного вооруженного конфликта. А это уже требует выхода режиссера на «сцену» и обуславливает утрату им преимуществ выгодной позиции официальной непричастности к антигосударственным процессам.

Для окончательного уничтожения суверенитета страны, осуществляемого уже иными средствами и методами, требуется создать необходимые условия, и для реализации принципа «чтобы точно ударить, лучше обездвижить» саботаж вполне подходит. Чем более скован противник, тем вероятнее попадание в самое уязвимое место. Поэтому вполне объяснимо стремление государственных и других систем иметь возможность противодействия всем формам реализации перечисленных угроз безопасности. Важность и необходимость оценки опасности саботажа подтверждается тем, что данный состав преступления, а также правовой механизм его пресечения задействованы законодателями многих стран с разными формами и уровнями общественных отношений, разными принципами построения правовых систем⁴. В международных отношениях и политике данный термин также не забыт⁵. При изучении конкретных примеров становится понятно, что независимо от исторических условий сама направленность действий на ослабление законной власти единодушно рассматривается правоведами как угроза «нации, Государству и общественному спокойствию»⁶, а также обороноспособности страны и относится ими к признакам состава преступлений саботажного характера⁷. Такие факты дают уверенность, что попытки определения возможных мер обеспечения безопасности и управляемости общест-

венно значимыми процессами и государственными структурами, а также поиск актуальных и применимых подсказок, содержащихся в историческом опыте, будут ущербными при обходе проблемы существования саботажных проявлений и отсутствия соответствующих санкций со стороны государства.

Несмотря на то что системное оружие «ненасильственных действий» существует, применяется и показало свою разрушительную эффективность в ряде стран, есть основания полагать, что арсенал российских правоприменителей не вполне адекватен таким специфическим угрозам безопасности. При всей очевидной вредоносности возможного саботажа, правоохранительные органы не могут выявлять, предупреждать и пресекать угрозы, которые не охватываются действующим законодательством. Эффективность работы по сопутствующим преступлениям (например, должностным) не решает проблемы полностью, т.к. узловые участки формирования угрозы остаются относительно недостижимыми из-за указанных выше особенностей нанесения ущерба в результате «умышленно небрежного» [8, с. 76] поведения. Если в военизированных структурах дисциплина и механизмы ее обеспечения заложены изначально, то в гражданских сферах управления действующая нормативно-правовая база мирного времени может вовсе перестать соответствовать изменившемуся характеру общественных отношений в условиях резкого обострения внутриполитического кризиса, особого периода и/или вооруженного конфликта. При этом ущерб от противоправных действий пропорционально увеличивается по мере роста масштабов угроз безопасности, вызванных внешним агрессивным воздействием на государство и общество. Одновременно с этим теряет свою превентивную силу ряд правовых санкций, предусмотренных за конкретные правонарушения. Это несоответствие может провоцировать ослабление общей дисциплины и совершение противоправных поступков. Важно отметить, что не вызывает сомнений общественная опасность снижения действенности законодательно установленных властных полномочий государственных органов, нарушения управляемости их работы, противодействия решению общественно значимых задач и т.п., с учетом размера и характера негативных последствий, к которым всё это приводит в итоге. Саботаж издавна признавался одной из форм нарушения и даже парализации властных полномочий. В первом приближении угроза потери управляемости из-за умышленных бездействий конкретных лиц видится в подрыве исполнительской дисципли-

ны, уничтожении соподчиненности элементов единого целого. Это ведет к блокировке возможностей эффективного маневрирования силами и средствами, в конечном итоге – к срыву процесса достижения конкретной цели. В условиях обострения международной обстановки, наряду с научным значением, определённый практический интерес получает уяснение механизма обеспечения действенного управления государственной системой (как в целом, так и отдельными ее элементами) в условиях непрерывного нарастания угроз ее безопасности. При явной тенденции к дальнейшему обострению противостояния стран НАТО с Россией попытки самоуспокоения равносильны уходу от реальности и построению своих действий на основе иллюзий. Напротив, несомненная готовность субъекта государственного управления активно работать в самых неблагоприятных для страны условиях уже сама по себе становится определенной защитой, противовесом, сдерживающим темп возможной эскалации деструктивных процессов.

Отношение к проблемам по принципу «готовится к худшему, надеясь на лучшее» требует не только определения возможных характеристик конечного ущерба (в перспективе максимально опасного варианта), но и заставляет обратить внимание на исторические аналогии в ретроспективе, на образцы, не потерявшие за давностью лет прикладной ценности. Как представляется, отбор исторических примеров преодоления внешнего давления на Россию для последующего анализа будет более продуктивным при совпадении следующих условий: предпочтение отдается историческим событиям, наиболее приближенным по времени и сохраняющим свое влияние на современность; внешнее давление на государство было им успешно преодолено; как наиболее эффективный, предпочтителен пример преодоления наиболее опасных угроз, который на практике показал свою эффективность и жизнеспособность в наихудейших условиях, т.к. можно предположить такую взаимосвязь – чем экстремальнее характер имели нагрузки (преодоленный вызов), тем надежнее проверка на прочность объекта воздействия. Запредельной нагрузкой, беспрецедентной не только в отечественной, но и в мировой истории, характеризуется обстановка в СССР с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г. – самый тяжелый в военном, организационном, экономическом и морально-патриотическом планах период Великой Отечественной войны. Кроме того, остальные критерии отбора исторических фактов также соотносимы⁸. Одним из основных направлений в организации отпора нацистам ста-

ло обеспечение управляемости вооруженными силами СССР и военно-промышленным комплексом (ВПК) страны в условиях крайне неблагоприятного для СССР начала боевых действий. Без эффективного комплексного управления государством война Советским Союзом была бы проигранной в кратчайшие сроки, как это и предполагалось германским планом молниеносной войны «Барбаросса». Катастрофическая ситуация первых недель Великой Отечественной войны диктовала необходимость достижения поставленных целей по обороне страны в сжатые сроки, на пределе возможностей при ограниченности быстродоступных ресурсов. Обеспечение устойчивого и эффективного управления войсками и военной экономикой потребовало жесткой упорядоченности структурных элементов и отношений между ними, а также системной нацеленности на единый результат.

В рамках данной статьи не стоит задача детального изложения механизма работы правоохранительных органов и подробного описания динамики регулирования и толкований норм права, имеющих непосредственное отношение к пресечению саботажа. Однако, определив наиболее «проверенный на прочность» период отечественной истории, целесообразно кратко обозначить некоторые показатели и особенности применения статьи 58-14 «Саботаж» УК РСФСР 1926 г.⁹ В СССР в условиях Великой Отечественной войны пик осуждений за близкие по своей направленности составы преступлений «саботаж» и «вредительство» (ст. 58-7) приходится на первые полтора года войны: второе полугодие 1941 года – 1300 человек осужденных (данный статистический показатель включает осужденных по обоим составам преступлений); 1942 г. – 4351 (также без разграничения составов); 1943 г. – 481 (вредительство) и 1414 (саботаж); 1944 год – 354 (без разграничения составов); весь 1945 г. – 176 (вредительство) и 847 (саботаж) [9, с. 191, 199, 206, 216, 224]. Обстановка форсированного и динамичного начала боевых действий в первые полтора года войны существенно повлияла на толкование и применение норм права, действовавших в мирное время, а также на правоприменительную деятельность в целом¹⁰. Очевидная тяжесть негативных последствий дезорганизации государственной власти, а также необходимость укрепления социально ответственного поведения граждан (профилактика) обусловили изменения подходов к правовой квалификации контрреволюционных преступлений и ужесточения наказаний за посягательства на «власть правительства и деятельность государственного аппарата»¹¹. Формирование единого более жесткого

подхода к квалификации ряда поступков, приобретающих особую общественную опасность в связи с ухудшением политической обстановки в преддверии Второй мировой войны, началось еще накануне советско-финского военного конфликта в 1939 г. Характерным примером является отношение к побегам (ст. 82) и иным актам «дезорганизации деятельности лагерной жизни и производства». Так, 15.06.1939 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР», согласно п. 3 которого «*к наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях, до высшей меры наказания включительно*». Стоит отметить, что большинство возможных форм ослабления установленного порядка, таких как прогулы, отказы от работы, побег, даже умышленное истребление государственного имущества в принципе не могли быть наказуемы «высшей мерой» по действующему УК. Учитывая растущую опасность и размер ущерба, причиняемого дезорганизацией режима содержания и производства, а также степень негативного влияния на обстановку в стране, которую неминуемо ухудшали «беглецы», находящиеся фактически на нелегальном положении, данный пункт Указа позволял при определенных условиях относить указанные поступки к иной категории преступлений, соответствующей их реальной общественной опасности. Позднее, 28.04.1941 г. была издана межведомственная директива НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР № 87/06/ПР/29 «Об усилении борьбы с побегам заключенных из ИТЛ», которая обосновывала квалификацию побегов заключенных «*как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства*», т.е. преступления, предусмотренного ст. 58-14. При этом, с учетом п. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15.06.1939 г., расстрел мог быть применен в отношении наиболее «*злостных дезорганизаторов*», т.е. отдельных групп осужденных, чей антисоциальный и контрреволюционный настрой был проявлен в ранее совершенных ими преступлениях, а именно: «*контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других особо опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег*».

При изучении материалов уголовных дел и соответствующих реабилитационных решений выявляются такие особенности вменения «саботажа»: первое – доказанность умысла на совершение действий (побег, непринятие мер по уст-

ранению проблем на производстве и снижение темпов производства и т.п.), которые могли быть отнесены к общеуголовным преступлениям, как правило, не вызвала сомнений и редко отрицалась самими фигурантами уголовных дел в ходе следствия и суда; второе – отсутствие усилий следователя по процессуальному закреплению наличия «*специальной цели ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата*» (главное основание для реабилитаций по ст. 58-14). Руководствуясь изложенными критериями, правоприменитель в рамках того правового поля однозначно квалифицировал подобные деяния как саботаж. Кроме указанных нормативных актов, логика построения обвинения по делам о побеге также основывалась на том, что заключенный имеет возложенную на него «*определенную обязанность*» – понести наказание, выполнить решение суда, подразумевающее соблюдение режима содержания и обязательность трудовой деятельности. Эту обязанность заключенный «*сознательно не исполняет*» (побег, членовредительство, отказ от работы) либо исполняет «*умышленно небрежно*», что ведет к «*ослаблению власти*» и «*дезорганизации лагерной жизни*». При этом свою роль, как правило, играла очевидная осознанность обвиняемым объективной направленности своих действий «*к подрыву или ослаблению... хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции*» (ст. 58-1), а также понимание им неизбежности наступления негативного «*политического*» результата от своего поступка – ущерба государству в виде ослабления власти и деятельности государственного аппарата (ст. 58-14). Предвидение лицом неизбежности наступления определенных общественно опасных последствий традиционно трактовалось в следственной и судебной практике как свидетельство желания их наступления, позволяло дать заключение о наличии прямого умысла на достижение вполне конкретного результата [10, с. 4–5]. Такая совокупность материалов указывала на наличие умысла и направленности действий на конкретный результат, что уже позволяло делать вывод о доказанности «*специальной цели*», которая приводила к ужесточению квалификации деяния и поднятию верхней планки приговора.

В иных случаях вменения саботажа, не связанных с исполнением «обязанности заключенного», в обоснованности квалификации получение доказательств наличия «*специальной цели*» занимало ключевое и наиболее спорное место, также корректировавшееся еще в довоенный период. Например, постановлением Пленума

ВС СССР от 10.06.1939 г. устанавливалось, что действия, имеющие признаки «умышленно ненадлежащего выполнения» обязанностей, но обусловленные либо уже сложившейся общей порочной практикой на конкретном производстве, либо действиями вышестоящих должностных лиц, чьи негативные указания носили императивный характер, не подлежат квалификации как саботаж именно по причине отсутствия контрреволюционного умысла у непосредственного исполнителя.

Зачастую обвинение строилось по совокупности составов преступлений. Ст. 58-14 увереннее вменялась при наличии в действиях обвиняемого иных составов контрреволюционных преступлений, которые, в свою очередь, служили доказательством проявления реального внутреннего отношения субъекта к своим поступкам и их нацеленности. Так, предварительная доказанность совершения «контрреволюционной пропаганды и агитации» (ст. 58-10) делала маловероятным одновременное вменение, например, «халатности» (ст. 111) вместо «саботажа» или «вредительства». Существенно то, что при сравнительно более простом доказывании контрреволюционной агитации (показания свидетелей, соучастников, содержание распространяемой печатной или рукописной продукции и т.п.) полученные материалы, в свою очередь, приобретали роль доказательств психологического отношения субъекта к очевидным результатам «неисполнения определенных обязанностей или умышленно небрежного их исполнения» (проявленного вовне и зафиксированного характера субъективной стороны состава преступления). В совокупности с личностными характеристиками обвиняемого, обстоятельствами времени, места, способа, обстановки «неисполнения обязанностей» такое наполнение уголовного дела становилось достаточным и для заключения о доказанности наличия «специальной цели ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата», то есть контрреволюционного умысла.

С изменением социально-политической обстановки в СССР после Великой Отечественной войны стало существенно преобразовываться все советское законодательство. В отечественном уголовном праве статья «саботаж» отсутствует с 1958 года [11, с. 22], как и категория «контрреволюционное преступление» в целом. Данное обстоятельство становится понятным благодаря одной из обозначенных причин потери актуальности указанной статьи: в связи с тем, что «случаев саботажа в СССР практически не имеется» [12, с. 478–479]. Т.е. в связи с отсутствием подобных «контрреволюционных»

явлений и сопутствующих угроз для регулируемых УК общественных отношений. Возможно предположить, что такая формулировка может полноценно и органично исходить только из признания наличия политических условий для исчезновения именно «контрреволюционного» саботажа – достижение определенной идеологической монолитности общества, устранение антагонистических классов, их непримиримых противоречий и эксплуатации человека человеком, преодоление социального и материального неравенства возможностей граждан.

Закономерно, что последующее появление системы общественных отношений и государственного устройства, в которых эти «устраненные и преодоленные» условия являются не только неотъемлемой частью, но и во многом позиционируются как благо, не могло не привести и к появлению новых форм ненормативного поведения. Отмеченные выше изменения современной социально-политической обстановки указывают не столько на возможный возврат самого образа действий (целенаправленного затормаживания процессов, их саботирования), сколько на изменение общественного отношения к степени опасности деятельности ряда знаковых фигур, должностных лиц, центров ответственности и принятия решений. Накопление количественных и качественных показателей действий/бездействий и высказываний (интервью, информационные проекты, акции, позиции финансируемых СМИ, характер контактов с иностранными представительствами и т.п.) конкретных политических субъектов стало основой для идентификации их нацеленности на ослабление ключевых позиций государства, значимых как для внешней, так и для внутренней политики.

Противоречия именно в политических позициях различных социальных слоев российского общества со всей очевидностью проявились в ходе противостояния значительных групп населения зимой 2011/12 г. и маркируются указанными выше митингами «на площадях» и «на горах». Затем последовали диаметрально противоположные реакции примерно тех же социальных групп на факт возвращения Крыма и связанное с этим возрастающее санкционное давление извне. Все это вызвало трансформацию (кристаллизацию, концентрацию и заметную поляризацию) идеологического наполнения общественных процессов. Отмечается наращивание идейной обусловленности и мотиваций мировоззренческого характера при выборе отдельными людьми не только судьбоносных путей, но и при решении бытовых, трудовых и менее значительных вопросов. При имеющихся

тенденциях и характеристиках обстановки уместно предположить, что усиливающаяся разновекторная идеологическая ориентация различных общностей, в том числе имеющих непосредственное отношение к управлению и реализации госпрограмм, может существенно повысить вероятность умышленного противодействия (ослабления) общезначимым процессам, исходя только лишь из степени лояльности к ним конкретного исполнителя. Не исключается также вариант противодействия, обусловленный стремлением к обострению имеющихся проблем, созданию протестного ресурса с пиками противостояния государственной власти со специально заданными временными и социально-политическими параметрами. Совсем не случайно именно с 2014 года, на фоне событий, проходивших на Украине, стали появляться официальные законодательные инициативы и проекты внесения соответствующих изменений в современный УК РФ, предусматривающие ответственность за саботаж¹². При этом стоит отметить, что это не спонтанные заявления на волне эмоций, а предварительно проработанные, мотивированные и подготовленные пакеты юридических документов. Указанные законодательные инициативы неизбежны, так как негативные последствия определенных поступков, которые в нормальной обстановке легко преодолимы и не имеют возможности стать критическими, в специально заданных чрезвычайных условиях социально-экономического кризиса могут повлечь фатальные последствия.

Криминализация саботажа нацелит правоохранительную систему на защиту тех сегментов общественных отношений, где создаются негативные явления, разрушительный характер которых увеличивается прямо пропорционально усложнению международного положения страны и внутривнутриполитической ситуации. Обеспечение возможности правоприменительной работы в указанном направлении путем введения специальной правовой нормы, предусматривающей ответственность за саботаж, действующей хотя бы только в условиях массовых беспорядков, режимов чрезвычайных положений или ситуаций, контртеррористических операций, а также определенных степеней мобилизационной готовности, представляется необходимым, т.к. критические ситуации не только могут использоваться для нанесения максимально возрастающего ущерба относительно легкими способами (бездействием), но и изначально иметь внешнего актора, нацеленного на создание специальных условий применения «ненасильственного оружия». Регламентация противодействия саботажу в особых условиях также позволит устранить предпосылки для вынужденного «притягивания» квалификации общественно опасных

деяний к наиболее схожему составу преступления, исходя из правового поля «мирного времени». Иначе попытки силовых структур не допустить ущерб и обеспечить действенное управление подобными способами будут в последующий период расценены как нарушения прав и законных интересов граждан, со всеми вытекающими последствиями – от реабилитации общественно опасных лиц и выплат им значительных компенсаций до привлечения к ответственности самих сотрудников, допустивших такие нарушения. Сам факт криминализации такой формы противодействия интересам государства, как саботаж, создаст дополнительный профилактический эффект для обеспечения безопасности личности, общества и государства. Поэтому глубокое изучение исторического опыта борьбы с саботажем в чрезвычайных условиях имеет прикладное значение как для законодателя, так и для правоохранительных органов России.

Примечания

1. Среди прочих показателей, уже только по количественным характеристикам экономическое противостояние СССР не было настолько обширным и столь автономным, т.к. существовал «социалистический лагерь», Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), страны Варшавского договора, технологическая и ресурсная заменяемость производств, гарантированные рынки сбыта и т.п., а также сбалансированная система международного права и информационных возможностей в мировом медиапространстве.

2. Всего в указанный пакет нормативных правовых актов входит 11 указов от 7 мая 2012 г., содержащих десятки поручений с конкретными сроками и порядком исполнения. Данные документы начинаются императивными указаниями: «В целях постановляю: 1. Правительству Российской Федерации: а) обеспечить: ...».

3. Например, обвинения в адрес региональных властей в «саботаже» работы по борьбе с пожарами, озвученные вице-премьер-министром Д.О. Рогозиным в августе 2015 года [1].

4. Современные: ст. 87–89, 109 УК ФРГ; ст. 411-9, разд. 4, гл. 1, кн. 4 УК Франции (также к саботажным относятся ст. 413-2, 413-6); § 2151–2157, гл. 105, часть 1, раздел 18 Свода законов США; ст. 300, 304, 380, 381 УК КНР.

5. Ст. 3.2.3, приложение D, Межгосударственного стандарта ГОСТ ISO 14971–2011 (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии России от 13 декабря 2011 г. № 1261-ст); Комментарий министерства юстиции США о наложении штрафа на банк BNP Paribas: «Пример BNP Paribas должен стать предупреждением, что США готовы проводить политику санкций на всех уровнях. Размер штрафа имеет ясную внешнеполитическую составляющую. Хозяйствующим субъектам непозволительно заниматься саботажем внешнеполитического курса страны» [7].

6. «Преступления и проступки против нации, Государства и общественного спокойствия», кн. 4 УК Франции.

7. В некоторых дефинициях указанных выше уголовных статей «саботаж» соединен с «вредительством», если пользоваться терминологией УК РСФСР 1926 г. Частичное смешение имелось и в отечественном уголовном законодательстве после 1958 г. – новая трактовка «вредительства» вместила в себя специфику «саботажа».

8. Имеющиеся сегодня геополитические вызовы поддаются сравнению в попытках позиционирования нашей страны как абсолютной угрозы и одновременно как потенциальной жертвы, подлежащей разделу и дележу, что закрепляется в официальных доктринах и военных концепциях стран, входящих в ядро НАТО. Победа в Великой Отечественной войне и доминирующая роль СССР в победном завершении Второй мировой войны позволили установить Ялтинско-Потсдамскую систему мироустройства (кардинально изменившую тенденции развития международных отношений, имеющих влияние в настоящем), обеспечили России как правопродолжателю СССР статус в СБ ООН и многие иные приоритеты. Необходимость защиты своего права на существование обусловила создание и рост атомной отрасли, а также опережающее мировые темпы развитие космического проекта и лидерство по значимым позициям в науке. Влияние этих событий на современные международные процессы несомненно.

9. В период Великой Отечественной войны действовала следующая редакция статьи 58-14 УК РСФСР «Саботаж»: *«Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою – лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества»* [8, с. 76].

Здесь и далее УК РСФСР 1926 г.

10. Одним из обобщающих примеров такой корректировки правоприменительной практики является решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28.10.1942 г. в отношении Чванина. Этот осужденный систематически изготовлял фиктивные справки о состоянии здоровья, как для себя, так и для других работников предприятия угольной промышленности, имевшего особо важное значение в условиях военного времени, где вопросы укрепления трудовой дисциплины и повышения производительности труда играли первостепенную роль, а всякий ущерб был особенно ощутим. В данном документе фиксируется, что Чванин имел прямой умысел на саботаж и «специальную» цель, т.к. хорошо сознавал преступность своих действий и неизбежность ущерба, причиняемого им системе государственного управления в сфере конкретной отрасли военной экономики. Этим был подтвержден первоначальный приговор областного суда по ст. 58-14 (саботаж) и отменено определение республиканской Судебной коллегии по уголовным делам, изменившей первоначальную квалификацию на общеуголовную ст. 72

(подделка документов). Обращает на себя внимание, что конечная инстанция – Верховный суд СССР, переквалифицируя действия Чванина снова на «саботаж», подчеркнул недопустимость такого доверчивого отношения правоприменителя к дезорганизуящим преступлениям в условиях войны, назвав подобные оправдательные мотивы *«грубой политической ошибкой»* [8, с. 77].

11. Ст. 58-14 «саботаж» УК РСФСР 1926 г.

12. 2014 г. – Законодательное собрание г. С.-Петербурга; 2015 г. – Законодательное собрание Республики Карелия; 2015 г. – Государственная дума ФС РФ. Режим доступа: <http://www.assembly.spb.ru/sitesearch?context=%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F&rid=152763&page=32> (дата обращения: 14.07.2018); <http://kareliaz.ru/presssluzhba/novosti/zs/> (дата обращения: 14.07.2018); <http://www.mk.ru/social/2015/05/25/deputaty-predlagayut-vermut-v-rossiyskoe-zakonodatelstvo-statyu-za-sabotazh.html> (дата обращения: 14.07.2018).

Список литературы

1. Режим доступа: <http://subscribe.ru/group/10-v-polzu-istinyi/9865181/> (дата обращения: 29.09.2015).
2. Режим доступа: <https://news.rambler.ru/politics/30307020-v-ugolovnyy-kodeks-hotyat-vernustatyu-za-sabotazh/> (дата обращения: 01.03.2018).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «Гарант».
4. Политика ненасильственных действий, часть первая: власть и борьба. С. 144. Издание: Porter Sargent Publishers (2.06.1973). Политика ненасильственного действия, часть вторая: методы ненасильственного действия. С. 368. Издание: Porter Sargent Publishers; первое издание (США) первое печатное издание (1.06.1973). Политика ненасильственного действия, часть третья: динамика ненасильственного действия, Джин Шарп при редакторской поддержке Марины Финкельштейн. С. 480. Издание: Книги расширения горизонты; более позднее издание (01.11.1985).
5. Шарп Джин. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения острых политических и этических конфликтов // Философские науки. 1990. № 11.
6. Шарп Джин. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
7. Швейцарская ежедневная газета «Новая цюрихская газета» от 01.07.2014.
8. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный Кодекс РСФСР. Комментарий под редакцией и предисловием председателя Верховного Суда СССР И.Т. Голякова // Юридическое издательство НКЮ СССР. 2-е издание. М., 1944. С. 310.
9. Мозохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. 448 с.
10. Доказывание направленности умысла виновного по делам об умышленных убийствах (методические рекомендации) / Прокуратура СССР, Институт усовершенствования следственных работников. Л., 1988. С. 25.

11. Ведомости Верховного Совета СССР. 1.01.1959 № 1 (933), статьи 1 – 36, статья 6. С. 22. М.: Издание Верховного Совета СССР, 1959. № 1 (1 января). 96 с.

12. Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах) / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1971. Т. 22. С. 627.

BACKGROUND FOR CRIMINALIZING SABOTAGE IN RUSSIA

M.A. Demidov

The article examines the relationship between external and internal factors undermining the security of the state in emergency conditions. In particular, the author draws attention to the relationship between sabotage and interference in the internal affairs of states through the so-called «color revolutions». At the same time, it is emphasized that states in the conditions of a deep crisis have to strengthen the protection of their governance systems, including the protection against acts of sabotage. The author substantiates his proposal on the need to criminalize this phenomenon taking into account modern challenges and threats. In this context, the relevance of the historical experience of combating sabotage during the Great Patriotic war is emphasized.

Keywords: sabotage, state control system, coup d'état, Great Patriotic war, NATO, historical experience, non-violent actions, «color revolutions».

References

1. Rezhim dostupa: <http://subscribe.ru/group/10-v-polzu-istiny/9865181/> (data obrashcheniya: 29.09.2015).

2. Rezhim dostupa: <https://news.rambler.ru/politics/30307020-v-ugolovnyy-kodeks-hotyat-vernut-statyu-za-sabotazh/> (data obrashcheniya: 01.03.2018).

3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.10.2009 № 19 «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij» // SPS «Garant».

4. Politika nenasil'stvennyh dejstvij, chast' pervaya: vlast' i bor'ba. S. 144. Izdanie: Porter Sargent Publishers (2.06.1973). Politika nenasil'stvennogo dejstviya, chast' vtoraya: metody nenasil'stvennogo dejstviya. S. 368. Izdanie: Porter Sargent Publishers; pervoe izdanie (SShA) pervoe pechatnoe izdanie (1.06.1973). Politika nenasil'stvennogo dejstviya, chast' tret'ya: dinamika nenasil'stvennogo dejstviya, Dzhin Sharp pri redaktorskoj podderzhke Mariny Finkel'shtejn. S. 480. Izdanie: Knigi rasshiryaya gorizonty; bolee pozdnee izdanie (01.11.1985).

5. Sharp Dzhin. Nenasil'stvennaya bor'ba: luchshee sredstvo resheniya ostryh politicheskikh i ehticheskikh konfliktov // Filosofskie nauki. 1990. № 11.

6. Sharp Dzhin. Ot diktatury k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya / Per. s angl. N. Kozlovskoj. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 84 s.

7. Shvejcarskaya ezhednevnyaya gazeta «Novaya cyurihskaya gazeta» ot 01.07.2014.

8. Trajnin A., Men'shagin V., Vyshinskaya Z. Ugolovnyj Kodeks RSFSR. Kommentarij pod redakciej i predisloviem predsedatelya Verhovnogo Suda SSSR I.T. Golyakova // Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR. 2-e izd. M., 1944. S. 310.

9. Mozohin O.B. Statisticheskie svedeniya o deyatelnosti organov VChK-OGPU-NKVD-MGB (1918–1953 gg.). M.: OOO «TD Algoritm», 2016. 448 s.

10. Dokazyvanie napravlenosti umysla vinovnogo po delam ob umyslennyh ubijstvah (metodicheskie rekomendacii) / Prokuratura SSSR, Institut usovershenstvovaniya sledstvennyh rabotnikov. L., 1988. S. 25.

11. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1.01.1959 № 1 (933), stat'i 1 – 36, stat'ya 6. S. 22. M.: Izdanie Verhovnogo Soveta SSSR, 1959. № 1 (1 yanvarya). 96 s.

12. Bol'shaya Sovetskaya Ehnciklopediya (v 30 tomah) / Gl. red. A.M. Prohorov. Izd. 3-e. M.: Sovetskaya Ehnciklopediya, 1971. T. 22. S. 627.